

СИМВОЛИКА ХРИСТИАНСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК 27-1 : 930.85(470)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-2106-44-52>

А. И. Кашкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
e-mail: home7.92@mail.ru

Аннотация: Как известно, Русская православная церковь не имеет однозначного отношения к народной культуре, однако это не исключает факта взаимного влияния двух культурных систем, формирующих ценностные основания христианского мировоззрения. Цель статьи - проанализировать развитие христианской символики на примере образа Китеж-града как результата позитивного влияния христианской традиции на русскую народную культуру. В центре внимания автора - религиозный архетип идеального города, возникший на основе русской духовной традиции. Поскольку развитие символики христианской культуры происходило во взаимодействии православия и народных традиций, архетип невидимого города может по праву считаться уникальным инструментом анализа культурного сознания общества, внепространственным и вневременным элементом, пронизывающим многовековые слои истории. Китеж становится новой страницей в постижении загадок души русского народа, его неиссякаемой веры в церковь Божью. Статья раскрывает культурные смыслы образа сакрального пространства, нашедшие отражение в русской народной культуре на примере функционирования архетипа града Китежа как символа православной культуры в искусстве рубежа XIX - XX веков.

Ключевые слова: «Китеж-град», христианская символика, народная культура, архетип города.

Для цитирования: Кашкова А.И. Символика христианского мировоззрения в русской культуре начала XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 2 (106). С. 44-52. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-2106-44-52>

THE SYMBOLISM OF THE CHRISTIAN WORLDVIEW IN RUSSIAN CULTURE OF THE EARLY XX CENTURY

Alisa I. Kashkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
e-mail: home7.92@mail.ru

Abstract: The Russian Orthodox Church does not have an unambiguous relationship to popular culture, as is known, but this does not exclude the fact of mutual influence of two cultural systems that form the value foundations of the Christian worldview. The purpose of the study is to analyze the development of Christian symbolism by the example of Kitezh-Grad image as a result of the positive influence of the Christian tradition on Russian folk culture. The author focuses on the religious archetype of the ideal

КАШКОВА АЛИСА ИГОРЕВНА – аспирантка 2-го курса факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова

KASHKOVA ALISA IGOREVNA – postgraduate student of the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University

© Кашкова А. И., 2022

city, which arose on the basis of the Russian spiritual tradition. Since the development of the symbolism of Christian culture took place in an interaction of Orthodoxy and folk traditions, the archetype of the invisible city can be rightfully considered as a unique tool for analyzing of the cultural consciousness of society, and as an extra-spatial and timeless element that permeates centuries-old layers of history. Kitezh becomes a new page in understanding of the mysteries of the Russian people soul, their inexhaustible faith in the church of God, who goes to her by the way of spiritual feat. The research reveals the cultural meanings of the image of the sacred space, reflected in Russian folk culture. The article describes the functioning of the archetype of the «City of Kitezh» as a symbol of Orthodox culture in the art of the turn of the XIX-XX centuries.

Keywords: «Kitezh-Grad», Christian symbolism, folk culture, archetype of the city.

For citation: Kashkova A.I. The symbolism of the Christian worldview in Russian culture of the early XX century. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 2 (106), pp. 44-52. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-2106-44-52>

Слово «сакральный» (лат. *sacrum*) в переводе на русский означает «священный», «посвященный Богу». Зачастую в архитектуре древних цивилизаций прослеживалась идея сакрального пространства, где города и храмы становились моделью Вселенной. В русском культурном сознании невидимый город предстает одновременно как символ незримой Святой Руси, а также реальной, но утраченной «малой» родины, родного дома, духовного идеала русского народа в его историческом бытии. Идея сакральности городского пространства была принята славянами Древней Руси вместе с православием, пришедшим из Византии в X веке.

Постепенно образ незримого города приобретает значение культурного феномена, становясь местом Божественного присутствия, воплощенного в поэтических изображениях затонувших либо исчезнувших городов, память о которых прочно укоренилась в русском фольклоре. Одним из таких сюжетов становится тайна заветной страны Беловодье. Первое упоминание о далекой стране Алтая содержится в небольшом сочинении «Путешественник», получившим широкое распространение в местах поселения старообрядцев. В рассказе упомянут маршрут, который должен привести любого желающего в волшебную

страну. «Легенда об исчезнувшей с лица земли коломенской церкви уводит нас к событиям монгольского нашествия на Русь XIII века» [17, с. 42]. Во время наступления вражеских войск жители города нашли укрытие в старой церкви, где просили Бога о спасении. Смилился Господь и разверзлась земля, поглотив стены святилища. Схожий мотив ушедшей под землю церкви мы встречаем в легенде Псковского края. Построенный на вершине горы храм был сокрыт под землей от набегов разбойничьих отрядов.

В русской народной культуре архетип небесного города напоминает образ святого мученика, утверждающего христианские ценности примером не столько собственной жизни, сколько смерти. Новгородская легенда о невидимом Китеже воспевает судьбу духовной крепости русской земли. Народно-национальные корни данного религиозного символа впитали духовный опыт множества поколений, который берет свое начало от истоков раннего христианства, с момента Крещения Руси князем Владимиром в 988 году. В «Китежскую ночь» вокруг озерной чаши собираются все желающие послушать легенды и набраться сил у загадочного источника. По легенде Град Китеж покоится под толщей вод озерных, откуда лишь изредка доносится тихий звон его

колоколов. Тому, кто на рассвете посмотрит на водную гладь, явятся смутные очертания стен города и величественные купола его. Однако есть и другие версии легенд, в которых город стал невидимым или погрузился в землю. Согласно «Китежскому летописцу» (Книга, глаголемая лѣтописец, писана в лѣто 6646 сентября в 5 день), письменному источнику, созданному русскими раскольниками в 80—90-е годы XVIII века, Хан Батый, захватив Малый Китеж, направился к Большому, а когда рать князя Георгия Всеволодовича полегла у стен великого Китежа, защищая его от полчищ Батыя, город стал невидим молитвами праведников, обратившихся к Богу с просьбой о заступничестве и сохранении православных святынь. Укрыл Господь милостью своей славные храмы Городца, сделав их невидимыми. Десять дней бродило войско хана Батыя по лесам в поисках Малого Китежа, так и не сумев отыскать китежские ворота, сокрытые от глаз посторонних по сей день до судилища Христова.

По все видимости, легенда имеет под собой исторические основания, но было бы ошибкой принимать ее за исторический рассказ. Рождению легенды могли послужить трагические события на дороге у озера Светлояра, которая пролегала от Городца к озеру, а в период монгольского нашествия именовалась «Ратной Батыевой» [18, с. 105]. Вероятно, озерный край был заселен марийцами, стоит только обратить внимание на двуязычное название озера «Светлояр», где корень «яр», «ер» в переводе с марийского языка означает озеро. Финно-угорский народ мари — потомки древнего населения Среднего Поволжья. Упоминание о земле Мировии, стране севернее Волги, между Ветлугой и Унжей содержится в работе Л. Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь» [4 с. 435]. По пре-

данию, в лесах на берегу Люнды появилось капище: «на горах, над Светлояром стояли дубовые идолы», так растущий город превратился в место силы марийцев [10, с. 40]. Позже, со временем образования в керженских лесах поселений старообрядцев, народные гуляния были прекращены, а берег Светлояра превратился в место поселения старообрядцев-беспоповцев. Они располагались в Сибири, около Белого моря, в Новгороде и Пскове. Лишенные земной церкви, подвергавшиеся гонениям старообрядцы были твердо убеждены в невозможности принятия новой веры, которая означала измену Богу и самому себе. Беспоповцы не имели духовенства, для них единственным возможным выходом было остаться без священников вовсе, чем поддерживать связь с еретиками, находившимися под властью антихриста. Раскольники составили особый толк беспоповщины, которые нашли своих последователей среди черносотного крестьянства Севера. Именно в среде старообрядцев была сложена легенда о Граде Китеже, которая в дальнейшем получила широкое распространение. «Все керженские жители, будь они древлеправославными, единоверами или никонианами, почитали озеро» [15, с. 67].

Отметим, что в первые годы XX века легенда о граде Китеже обретает новую жизнь в русской культуре, становясь связующим звеном между двумя историческими событиями. Причиной тому стало отождествление церковного раскола XVII века и революции 1917 года в России. В противоположность земному Отечеству, переживающему непростые времена двадцатого столетия, Китеж интерпретируется как вариант образа Русской земли, малой родины, небесного Отечества. Говоря об отношениях между Россией и Святой Русью, являющих собой «единство бинарных

оппозиций, а не противоположных воплощений образа», российский филолог И. А. Есаулов допускает предположение, бытовавшее в кругах символистов, о необходимой гибели реальной России, чтобы дать возможность восторжествовать и полностью явить себя Святой Руси [19, с. 19]. Вопросом религиозной природы революции были объединены деятели «нового религиозного сознания». Н. А. Бердяев, З. Н. Гиппиус и В. В. Розанов во главе с Д. С. Мережковским распространяли идеи нового направления философской мысли начала XX века. Мережковский предполагал, что государство должно превратиться в церковь, где будут упразднены все формы правления, законы, «в Новом Граде Божием... все – цари и священники, а единый Царь царей и Первосвященник – сам Господь» [9, с. 80]. Происходит сближение между гонимыми государственной властью старообрядцами и социалистами, которые были настроены против официальной Церкви, находившейся в тесном взаимодействии с государством. Постепенно рождается союз надежды на светлое будущее и обретение града Господня на земле, опирающийся на общечеловеческие ценности, основой для которых являлась любовь к своему народу.

Наступление XX века стало переломным моментом в истории России, временем сложных и противоречивых процессов, репрессий в отношении духовенства, разгула воинствующего атеизма и, как следствие, глубокого кризиса православия в широких народных массах. Не понятие «обмирщение» становится характеристикой развития Русской Православной Церкви в XX веке, а стояние в вере «даже до крови» или... отказ от нее. Церковь обретает мученический подвиг как в первые века христианства, происходит «отделение зерен от плевел». Теперь за веру надо стоять

насмерть в прямом, а не в переносном смысле. Рассуждая о современном безрелигиозном мировоззрении в среде так называемой «творческой интеллигенции» 1910-х годов С. Н. Булгаков делится воспоминанием о том, как, прогуливаясь в Таврическом саду, он стал свидетелем глубоко поразившей его картины. Забредший в аллею сада волынский крестьянин был окружен толпой нарядной петербургской публики, дружно смеявшейся над рассказом старика о Боге. Булгаков с горечью осознавал растущее духовное отчуждение русской интеллигенции от народной веры, болью для философа отзывались попытки человечества «устроиться без Бога навсегда и окончательно» [3, с. 7]. Познание «истины», желание заполнить душевную пустоту стали причиной повышенного интереса к занятиям оккультными науками, получившим широкое распространение в начале XX века среди интеллигенции, в особенности среди молодых людей, группировавшихся вокруг издательства «Мусагет». Со временем увлечение передовой части общества оккультизмом коснулось Вячеслава Иванова, Андрея Белого, Владимира Соловьева, которые примкнули к антропософскому движению [16, с. 17]. Поиски ответов на вопросы бытия стали типичной реакцией русской интеллигенции на сложные противоречивые события современности. Художник русского слова, религиозный мыслитель С. Н. Дурылин всегда оставался верен своим убеждениям, «Ты сам свой высший суд», — повторял он и следовал по пути собственного духовного поиска [13, с. 324]. Именно в оккультных волнах начала XX века писатель заложил основы уникального культурного феномена, русской религиозной философии, а позже стал православным священником.

Начать разговор о самобытности духовного пути С. Н. Дурылина необходимо

с упоминания значительной роли Русского Севера, просторами которого он увлекался еще в юности, будучи студентом факультета археографии. Этот потаенный край, нетронутый образ Святой Руси несомненно будоражил мысль молодого ученого, а со временем сформировал его как философа и писателя. Здесь чувствовалась сила и спокойствие бескрайних земель, словно «тихий ангел пролетел над землею и водами – и утихло раз навсегда злое мирское волнение» [1 с. 240]. На протяжении нескольких лет Дурылин неоднократно совершил поездки к берегам Кандалакшского залива для изучения особенностей быта, говора и фольклора русского народа Сибири, именно там для него открывается новое религиозное измерение родной культуры и бытия, в котором отражается душа русского человека. Так 1906 - 1910 годы становятся периодом духовного поиска и временем обращения писателя к силам христианства: его привлекают деревянные церкви и древние иконы, народные традиции. «Оглушенный величием и красотой Северного края», в 1910 г. Дурылин создает цикл сонетов под названием «Север», четверо из которых сохранились до наших дней: «Белое море», «Соловецкий монастырь», «Солнечная ночь», «Лапландия», «Лопарь» [4, с. 240].

Ключевую роль для нашего исследования играет знаменательная поездка писателя 1912 года в село Владимирское Нижегородской области на озеро Светлояр. Именно она послужила импульсом к исследованию Дурылиным религиозно-философского смысла легенды о Граде Китеже. Философ ценит Китеж, прежде всего, как религиозную реальность, свидетельствующую о том, что значит Бог. «Кто побывал на Светлояре и не приметил этого, тот ничего не поймет в России», - отмечает Дурылин [7, с. 59]. Размышляя о судьбе русской культуры начала XX века, воодушевленный поездкой

писатель впервые заговорит о христианской силе «Сказания о Граде Китеже». В ответ на глубокий кризис православия в некоторых слоях русского общества и одновременно с этим неутомимые его поиски, писатель, обращаясь к легенде о граде Китеже, пробуждает от сна один из основополагающих архетипов культуры, образ священного города.

В романе-хронике «Колокола» Дурылин возводит могущественную цитадель духа православного народа. Само название является прямой ссылкой к Незримому городу, где мотив звучания колокола становится напоминанием о вечной жизни Китежа и выражением глубокого внутреннего единства русского народа с Богом. Произведение становится откровенной молитвой автора о народе России, для которого судьба Китежа воплощает историческое прошлое России и выражает надежду на воскресение страны. В этом отношении важно напомнить, что период творческих изысканий молодого Дурылина пришелся на период символизма, влиянию которого отчасти был подвержен писатель. Поэтому в романе «Колокола» наряду с реальным течением времени звучит «метафизический подтекст», отсылающий нас к христианской традиции: жизнь в городе Темьяне воплощает собой путь к Богу [11, с. 48]. Ход исторического времени в романе обозначен строительством соборной колокольни. У каждого колокола свой неповторимый голос, вместе они очаровывают жителей города небесной музыкой, дают сил устоять в светлой вере, несмотря на все испытания, выпавшие на долю народа. Песнь града Господня продолжает звучать даже после уничтожения колоколов, оказавшихся на дне близлежащего озера. Только тот, кто непоколебим в вере своей, услышит звон и приобщится к церкви небесной: «в граде Темьяне храмы отверсты, служба

идет, а в водах — звонница сокровенная. Звон неувядаемый и неприглушимый!» [цит. по: 22, с. 75]. Как правило, образ города, отраженный в языке русской литературы, остается достоверным способом представления действительности, выступая моделью российской жизни в целом. В истории жизни и гибели городской колокольни слышится боль и надежда писателя на воскрешение православной Руси, ставшей невидимой для глаз простого обывателя. Как отмечает Е. А. Коршунова, невидимый Китеж стал для писателя ярким воплощение христианского мировоззрения, символом духовной жизни русского народа, мистическим городом, охраняемым не богатырями, но святыми [8, с. 39].

Необходимо сказать, что С. Н. Дурылин никогда не придерживался идеи «борьбы традиционной культуры и христианства» [14, с. 201]. В понимании православного священника христианство естественным образом приспособливалось к традициям славянского народа, занимая главенствующее положение. Культура представлялась Дурылину цельным образованием и выражалась в непрерывном процессе накопления результатов человеческой деятельности, подобно образованию горных пород. Так, дохристианские верования восточных славян стали первой практической монотеизма, укоренили любовь к родной земле, привели к осознанию ее сакральности. Постепенно уступая свое место православным традициям, народные обычаи теряли свою силу со временем, сливаясь с христианским мировоззрением. Ярким тому доказательством является неслучайный выбор дня паломничества на светлоярские горы, приуроченный ко дню празднования Ивана Купалы. Дело в том, что один из китежских храмов носит название «Ивановский»; так прослеживается прочная связь мотивов легенды с обрядовыми

традициями Купалья. Более того, народные обряды получают новое осмысление и, подобно цветным лентам, украшающим ветви, вплетаются в ежегодную традицию светлоярского праздника, согласно которой деревья увешиваются иконами, а земной поклон образу совершается вместе с поклоном дереву.

Являясь содержанием фольклорных сюжетов, христианские архетипы всегда оставались носителями психологической энергии и исторического опыта, определяющими наше мировосприятие. Этот уникальный психический опыт, согласно исследованию В. М. Найдыши, передаваясь из поколения в поколение, воспроизводится в каждом человеке по-своему, формируя основы духовной культуры всего человечества [12, с. 29]. Данная мысль является одной из причин обращения искусства рубежа XIX - XX веков к принципу историзма. В поисках цельного, незатронутого цивилизацией образа художники изучают фольклор, интересуются декоративно-прикладным искусством, отечественной стариной. Понимание родной культуры становится прочным основанием для создания собственных художественных произведений, выработке новых приемов, возрождения старинных технологий. Дух русской столицы, памятники московского зодчества и иконописи вдохновляли многих иллюстраторов, театральных декораторов, архитекторов. «С Москвой и Петербургом связан расцвет творчества М. А. Врубеля и А. П. Рябушкина, В. И. Сурикова и В. М. Васнецова, Ф. О. Шехтеля и А. В. Щусева, В. Д. Поленова и С. В. Малютина» [5, с.174]. К серьезному изучению художественного наследия обратился известный русский иллюстратор И. Я. Билибин. Художника увлекало искусство раннехристианской Руси, чье великолепие открылось Билибину во время поездок на Русский Север периода 1902 - 1904 гг. Ори-

ентируясь на стилистику древнерусского искусства, художник создает иллюстрации к «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина и к былине «Вольга». Свои первые три сказки И. Я. Билибин нарисовал, еще будучи студентом, с тех пор для художника начинается, как он позже скажет сам, «постоянное изучение русского народного творчества», с этого он начал свою деятельность и на этом же хотел бы ее закончить [цит. по: 2, с. 59].

К глубинным пластам культурной памяти посредством музыки обращаются выдающиеся русские композиторы, оживляя в своих произведениях не только героев народных сказок, но и собственные фантазийные образы. Создавая симфонию «Волшебное озеро» для цикла «сказочных картинок», А. К. Лядов рисует таинственный образ лесного озера, подобного Светлояру, где в царящей тишине и безвременье переливается множеством красок жизнь. Сказочная картина озера была не только «зарисовкой с натуры совершенно конкретного озера (которое действительно существовало, и к которому Лядов так любил ходить летом, живя в своей «Полыновке»)», но и местом эскапизма композитора [6, с. 138]. Отчасти музыкальное описание волшебного озера было подсказано автору его индивидуальным видением явлений природы и бессознательным стремлением к созданию своего сакрального пространства.

В продолжении разговора о музыкальной культуре начала XX века остановимся на значительной фигуре И. Ф. Стравинского. Для творчества композитора характерно обращение к жанрам и формам исторического прошлого, интуитивное постижение разных культур. Следует отметить, что Стравинский питал глубокий интерес к наследию А. С. Пушкина; так появилась комическая опера «Мавра», написанная по сюжету поэмы «Домик

в Коломне». «Мавра» совмещает особенности городского романса, истоки которого лежат в городском фольклоре конца XIX века, цыганских мотивов и ритмов русской кадрили. Важной особенностью оперы становится ее ярко выраженное национальное звучание, коренная связь с русским искусством и культурой. Рассуждение о национальных корнях, интерес к древним славянским традициям нашли отражение в балете Стравинского 1913 года. Премьера «Весны священной», ставшей обращением композитора к архаичным пластам памяти, произвела на публику неоднозначное впечатление. Праздник весны раскрывает образ древней Руси с ее следованием природным силам, народными гуляниями, прославлением Земли-Матушки, которая является зрымым воплощением Божественного небесного мира. Возвращение к истокам всегда было связано с попыткой переосмыслиния роли и места человека в мире, особенно в переломный момент конца XIX века, когда вопрос поиска опоры в прошлом для переоценки настоящего и мечтах о будущем был особенно важен.

Подводя итоги данного исследования, выделим несколько заключительных положений. Символика христианства выступает в качестве священного языка религии, которая по мере своего развития ассимилировалась с традиционной культурой, обогатив себя новыми смыслами. Так, христианские архетипы становятся формой выражения религиозной веры посредством образов, символов, выступающих в качестве неотъемлемых элементов ее мировоззрения, среди которых архетип «Невидимого города» является символом жертвенности, подвижничества, соборности русского человека и по праву считается хранителем ценностей русской культуры, основанной на православном христианстве, одним из самых величественных явлений в истории человечества.

Образ священного града уикален многомерностью своего пространства, вмещающего единство жизни русского народа и личную историю каждого. Для последователей движения раскола Китеж навсегда останется концентратом духовного опыта православной церкви первых веков от Рождества Христова, символом последней защиты русской веры и священным фундаментом светлоярской легенды, ставшей ярким доказательством религиозных основ традиционной культуры. Для С. Н. Дурылина образ Святой Руси не имеет пространственных категорий, он вечен и связан с Богохранимой Россией.

Мифологический Китеж-град живет в душе и сердце верующих, становясь неиссякаемым источником вдохновения, предметом множества легенд, лейтмотивом художественных, литературных и музыкальных произведений: «Церковь невидимого града» С. Н. Дурылина, «Светлое озеро» М. М. Пришвина, «В лесах» Павла Мельникова-Печерского, «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» Н. А. Римского-Корсакова. Китеж-град всегда будет служить напоминанием об истинном состоянии души русского человека, без которого невозможно историческое будущее русского народа.

Список литературы

1. Агеева Е. А. Водлозеро в записях С. Н. Дурылина в июле-августе 1917 года // Материалы VII Международной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск : Кизи, 2015. С. 239 - 245.
2. Билибин И. Я. Иван Яковлевич Билибин (Статьи. Письма. Воспоминания о художнике) / Ред.-сост., С. В. Голынец. Ленинград : Художник РСФСР, 1970. 370 с.
3. Булгаков С. Н. Интеллигенция и религия (о противоречивости современного безрелигиозного мировоззрения). Москва : печ. А. И. Снегиревой, 1908. 48 с.
4. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. Москва : АСТ, 2015. 752 с.
5. Жук Э. Н. Художник Иван Билибин // Вестник культурологии. Москва : Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, 2019. № 4 (91). С. 173 - 182.
6. Запорожец Н. В. Лядов А. К. жизнь и творчество. Москва : Музгиз, 1954. 215 с.
7. Коршунова Е. А. Архетип «града Китежа» в романе-хронике С. Н. Дурылина «Колокола» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. Москва : АЛМАВЕСТ, 2018. № 4. С. 59 - 67.
8. Коршунова Е. А. Вариации русского модернизма: С. Н. Дурылин: монография, Москва : Директ-Медиа, 2021. 388 с.
9. Малимонова С. А. Влияние некоторых идей «нового религиозного сознания» на падение Российской империи // Известия Иркутского государственного университета. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2018. Том 24. С. 78 - 86.
10. Морохин Н. В. Град Камен. Путешествие в Китеж. Москва : Вече, 2015. 256 с.
11. Мотеюнайте И. В. Осмысление марксизма в романе-хронике С. Н. Дурылина «Колокола» // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород : Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009. № 54. С. 47 - 50.
12. Найдыш В. М. Происхождение архетипов коллективного бессознательного // Вестник Российского университета дружбы народов. Москва : Российский университет дружбы народов, 2004. № 1. С. 27 - 47.
13. Стихотворения Александра Пушкина / Изд. подгот. Л. С. Сидяков. Санкт-Петербург : Наука, 1997. 639 с.
14. Резвых Т. Н. Религия и культура прозы и поэзии Сергея Дурылина // Христианское чтение. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, 2015. № 3. С. 199 - 225.

15. Семиков Д. В. Град Китех – Потерянный рай? (Легенда о Граде Китеже в богословском и религиоведческом аспектах) // Труды Нижегородской духовной семинарии. Нижний Новгород : Нижегородская духовная семинария, 2012. № 10. С. 63 - 77.
16. Сидяков Л. С. Торопова В. Н. Сергей Дурылин: Самостояние. Москва : Молодая гвардия. 2014. 64 с.
17. Степанов Ю. В. Легенды и предания Псковщины. Изд. 2-е, перераб. и доп. Псков : Утро. Псков, 2018. 93 с.
18. Трубачев О. Н. Русская ономастика и ономастика России. Словарь. Москва : Школа-пресс, 1994. 287 с.
19. Есаулов И. А. Мистика в русской литературе советского периода (Блок, Горький, Есенин, Пастернак). Тверь : Тверской государственный университет, 2002. 67 с.

References

1. Ageeva E. A. Vodlozero in the records of S. N. Durylin in July-August 1917 In: *Proceedings of the VII International Conference on the Study and actualization of the cultural heritage of the Russian North*. Petrozavodsk : «Kizhi», 2015. pp. 239 - 245. (In Russ.)
2. Bilibin I. Ya. *Ivan Yakovlevich Bilibin (Articles. Letters. Memories of the artist)* / Ed.-comp., S. V. Golynets. Leningrad : «The Artist of the RSFSR», 1972. 223 p. (In Russ.)
3. Bulgakov S. N. *Intelligentsia and religion (on the inconsistency of the modern irreligious worldview)*. Moscow : «A. I. Snegireva», 1908. 48 p. (In Russ.)
4. Gumilev L. N. *Ancient Russia and the Great Steppe*. Moscow : «AST», 736 p. (In Russ.)
5. Zhuk E. N. Artist Ivan Bilibin. In: *Bulletin of Cultural Studies*. Moscow : «Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences», 2019. No. 4 (91). pp. 173 - 182. (In Russ.)
6. Zaporozhets N. V. *Lyadov A. K. life and creativity*. Moscow : «Muzgiz», 1954. 215 p. (In Russ.)
7. Korshunova E. A. The archetype of the “city of Kitezh” in S. N. Durylin’s chronicle novel “Bells” In: *Philological Sciences. Scientific reports of the higher school*. Moscow : «ALMAVEST», 2018. No. 4. pp. 59 - 67. (In Russ.)
8. Korshunova E. A. *Variations of Russian modernism: S. N. Durylin: monograph*, Moscow : «Direct-Media», 2021. 388 p. (In Russ.)
9. Malimonova S. A. The influence of some ideas of the “new religious consciousness” on the fall of the Russian Empire. In: *Izvestiya Irkutsk State University*. Irkutsk : «Irkutsk State University», 2018. Volume 24. pp. 78-86. (In Russ.)
10. Morokhin N. V. *Grad Kamen. Travel to Kitezh*. Moscow : «Veche», 2015. 256 p. (In Russ.)
11. Moteyunaite I. V. Comprehension of Marxism in S. N. Durylin’s novel-chronicle “The Bells” In: *Bulletin of the Novgorod State University named after Yaroslav the Wise*. Veliky Novgorod : «Novgorod State University named after Yaroslav the Wise», 2009. No. 54. pp. 47 - 50. (In Russ.)
12. Naidysh V. M. The origin of the archetypes of the collective unconscious. In *Bulletin of The Peoples’ Friendship University of Russia*. Moscow : «Peoples’ Friendship University of Russia», 2004. No. 1. pp. 27 - 47. (In Russ.)
13. *Poems of Alexander Pushkin*. Ed. prepared by L. S. Sidyakov. Saint Petersburg : «Nauka», 1997. 639 p. (In Russ.)
14. Rezvykh T. N. Religion and culture of Sergei Durylin’s prose and poetry. In *Christian reading*. St. Petersburg : «Publishing House of the St. Petersburg Orthodox Theological Academy», 2015. No. 3. Pp. 199 - 225. (In Russ.)
15. Semikopov D. V. Grad Kitezh – Paradise lost? (The Legend of the City of Kitezh in theological and religious aspects). In *Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary*. Nizhny Novgorod : «Nizhny Novgorod Theological Seminary», 2012. No. 10. pp. 63 - 77. (In Russ.)
16. Sidyakov L. S. *Toropova V. N. Sergey Durylin: Self-standing*. Moscow : «Molodaya gvardiya», 2014. 64 p. (In Russ.)
17. Stepanov Yu. V. *Legends and legends of Pskov region*. 2nd edition, reprint. and add. Pskov : «Morning. Pskov», 2018. 93 p. (In Russ.)
18. Trubachev O. N. *Russian onomastics and onomastics of Russia*. Dictionary. Moscow : «School-press», 1994. 287 p. (In Russ.)
19. Yesaulov I. A. *Mysticism in Russian literature of the Soviet period (Blok, Gorky, Yesenin, Pasternak)*. Tver : «Tver State University», 2002. 67 p. (In Russ.)